

Кавказский чёрт

Читал у нас, земляки, на маневрах вольноопределяющий сказку про кавказского черта, поручика одного, Тенгинского полка, сочинение. Оченно всем пондравилась. Фельдфебель Иван Лукич даже задумались. Круглым стишком вся как есть составлена, будто былина; однако ж сюжет более вольный. Садись, братцы, на сундучки, к окну поближе, а то Федор Калашников больно храпит, рассказывать невозможно...

Пирует грузинский князь Удал, - на триста персон столы понаставлены, бык жареный на медном блюде лежит, в быке - жареные утки, в утках - жареные цыплята. С амбицией князь был!.. Вином хочь залейся, по всем углам кахетинское в бочках скворчит, обручи еле сдерживают. Кто мимо ни идет, вали к князю, пей, ешь, хочь облопайся. Потому Удал единственную дочку просватал, к вечеру милого жениха ждут, а пока что, не зря ж сидеть, - песни, пляс, пирование. Под простыми гостями туркестанские ковры постланы, под княжеской родней - дагестанские.

Дочка Тамара меж подруг на собольем одеяльце сидит, ножки княжеские под себя поджавши, черные брови, как орлиные крылья, в разлет легли, белое личико будто фарфоровое пасхальное яичко, скромные ручки на коленках держит, - девушка высокого роста, известно, стесняется.

Подходит к ней старший гость, дядя ейный по матери князь Чагадаев, сивый ус за ухо закинул, чеканным кавказского серебра поясом поигрывает.

- Что ж, Тамара... Другие-прочие пляшут, а ты будто жар-птица привинченная. Уважь дядю, пройдишь, что ли, рыбкой!..

Защелкал он мерно в ладони, словно деревянными ложками брякнул. Мужчины, стало быть, подхватили: раз-раз!.. Музыканты брызнули. Взмыла Тамара, Господи, Твоя воля!

Летает это она пушинкой, шароварки легкими пузырями вздуло, косы полтинниками звякают, ножка ножке поклон отдает, ручка об ручку лебедем завивается. Слуги, которые гостей обносили, с подносами к земле приросли, а гости осатанели, суставами шевелят, каблуками землю роют... Сплясал бы который, да вино ножки спеленало.

Не выдержал тут дядя ейный, князь Чагадаев, даром что сивый; затянул пояс потуже, башлык за плечо, - бабку твою на шашлык! - пошел кренделять...

Занозисто, братцы, разделявал, до того плавно, что хочь самовар горячий ему на папаху поставь - нипочем не сронит...

Разожгло тут и Тамару. Стеснения своего окончательно лишилась, потому лезгинка танец такой - кровь от его в голову полыхает... По кругу плывет, глазами всех так без разбору и режет: старый ли, молодой, ей наплевать.

Щечки факелом, грудь облаком, носком вострым под себя подгребают, одним глазом приманивает, другим холодит, поясница пополам, косы ковер метут... То-исть, бубен ей в душу, пронзительно девушка плясала!.. В остатний раз свободу свою вихрем заметала.

В тую пору одинокий кавказский черт по-за тучею пролетал, по сторонам поглядывал. Скука его взяла, прямо к сердцу так и подкатывается. Экая, думает, ведьме под хвост, жисть! Грешников энтих, как собак нерезаных, никто сопротивления не оказывает, хоть на проволоку их сотнями нижи. Опять же кругом никакого удовольствия:

Терек ревет, будто верблюд голодный, гор наворочено до самого неба, а зачем неизвестно... Облака в рот лезут, сырость да серость, - из одного вылетишь, ныряй в другое...

Сплюнул он с досады, ан тут в синюю дыру вниз глянул, на край тучи облокотился, туча его к самому княжескому замку подвезла. Покрутил черт голову: "Эх, благодать!"

Пир у князя Удаля только в полпирование вошел, музыка гремит, факелы блещут, гости с ковшами на карачках по всему двору разбрелись... А на крыше княжеская дочка Тамара, красота несказанная, лезгинку чешет, месяц любит, звезды над тополями вниз подмигивают, ветер не шелохнет.

Обидно черту стало, хочь плачь! - Да у чертей слез-то нету... На-ко-сь, поди у людей веселье, смех, душа к душе льнет. Под ручку, дьяволы, пьяные ходят, а он, как шакал ночной, один на один по-над горами рыскать должен.

А как Тамару, пониже спустившись, со второго яруса поближе разглядел, так даже сомлел весь: отродясь таких миловидных не видывал, даром, что весь Кавказ с Турцией-Персией наскрозь облетел. В сердце ему вступило, будто углей горячих горсть глотнул, чуть кубарем сверху на княжеский двор не свалился. Сроду его к бабам не тянуло, - ан тут и заело!..

Так вот, стало быть, к кому за Арагвой молодой Синодальный князь скачет, карабахского коня нагайкой ярит!..

Ладно, думает: "Ты, брат, скорый, да и я не ползучий..." Не тот, мол, курку ест, кто к столу спешит, а тот, кто ее за крылышко держит.

Летит Синодальный князь, к луке пригнувшись, на брачный пир поспешает. Алый башлык за спиной ласточкой вьется, борзый конь хвостом версты отсчитывает... За князем верблюды свадебными подарками бренчат, свита коней нахлестывает... Ан, князя Удала замка все не видать, - давно бы, кажись, ему время за Арагвой светлыми окнами, брачными факелами блеснуть. Стало быть, черт через своих подручных все повороты спутал, тропинки вбок отвел, карабахскому коню в морду из-за тучи дует, направление сбивает. Чистая беда!

Да еще часовенка древняя в ущелье стояла, - отшельник ее один в стародавние времена склал, сам по обещанию камни на спине таскал. Которые путешествующие беспрерывно перед ней шаг замедляли, шапки сымали, молитву читали - против ночного набега, против внезапной пули, против чеченца гололобого. Черт и тут постарался: скрыл часовню туманом, будто чадрой покрыл... Князь без внимания мимо и проехал...

Едут да едут. Стал молодой князь сумлеваться. Попридержал коня, пену с черкески белой перчаткой смахнул, золотые часы вынул, - время позднее.

Дал приказ:

- Стой! Оправься, слуги мои верные!

Ночь пала, месяц за горы сгинул, карабахский конь задыхается. Не иначе как нам на бивак до рассвета располагаться придется. Скидывай тюки, закусим по малости, утро вечера мудренее... Ночь холодная, жертвую по чарке на каждого, - более не могу, потому вокруг небезопасно.

Верблюды посапывают. Вскрапнули и дозорные, против дьявола никакой караул не устоит. А тут, братцы мои, с обоих флангов не то Чечня, не то осетины, - во тьме и пес не разберет, - пластунами подобрался, кинжалы в зубах, да как ахнут! "Халды-балды!.." Черт им тут на самую малость месяц приоткрыл, чтоб способнее было жениха-князя найти!.. Лязг, свист, - где тыл, где фронт, где свои, где чужие - ничего неизвестно, потому сражение кавказское, никакого плана, одна резня.

Проснулся князь, на коня неоседланного пал, звизганул шашкой - хрясь, брясь! - улочку себе сквозь неприятеля прорубил...

- За мной, - кричит, - ребята! Мы им хвост загнем...

А какие там ребята, - почитай, вся свита без голов лежит, руки-ноги по утесам разбросаны. Так во сне в полном вооружении ни за понюшку и пропали. Который и жив, тому за кустом руки вяжут, к седлу приторачивают...

- Эк, Калашников-то расхрапелся! Закрой его, Бондаренко, шинелью, а то собьюсь к чертям. Самое главное сейчас начинается.

Вынесся князь из сечи, борзый конь к князю Удалу направление взял, ан и черт не дурак. В ночной мгле перехватил у чеченца с правого фланга винтовку, да князю в затылок, с колена не целясь, с дистанции шагов, братцы, на триста. Как в галку! Ахнул Синодальный князь, к гриве припал, - вот тебе, можно сказать, и женился. Ночь просватала, пуля венчала, частые звезды венец держали...

Влетает, стало быть, карабахский конь, верный товарищ, к Князю Удалу на широкий двор, залиvisto ржет, серебряной подковой о кремень чешет: привез дорогого гостя, принимайте! А пир, хоть и час поздний, в полном разгаре. Бросились гости навстречу, князь Удал с крыльца поспешает, широкие рукава закинул... Тамара на крыше белую ручку к вороту прижала, - не след княжеской невесте к жениху первой бежать. Не такого она воспитания.

Что ж молодой жених с коня не сходит? Тестю поклона не отдает? Невесту не обнимет? Или порядков не знает?..

Соскользнул он на мощеные плиты, кровь из-за бешмета черной рекой бежит, глаза, как у мертвого орла, темная мгла завела... Зашатался князь Удал, гостей словно ночной ветер закружил... Спешит с кровли Тамара, а белая ручка все крепче к вороту прижимается. Не успел дядя ейный, князь Чагадаев, на руку ее деликатно принять, - пала, как свеча, к жениховым ногам.

Повел дядя бровями, подняли ее служанки, понесли в прохладный покой, а у самих слезы так бисером по галунам-лентам бегут... Поди каждому жалко на этакое смертоубийство смотреть-то.

А черт рад, конечно: в самую мишень попал! Из-за туч, гад, снизился, по пустому двору ходит, лапы потирает. Собака на цепи надрывается, а ему хоть бы что. Подкрался к угловой башне, мурло свое к стеклам прижал, - интересуется... Оттедова, изнутри-то, его не видать, конечно.

Лампочка на подоконнике горит, Тамара на тахте пластом лежит, полотенце с уксусом на лбу белеет, а сама с лица полотенца белей. Омморок ее зашиб, значит.

Делать нечего, стала она кое-как в себя приходить. Руки заломила, рыдает в три ручья, - вещь не сладкая, братцы, жениха потерять, - всей жизни расстройство.

А тут в фортку черт голос подает, умильными словами поет-уговаривает:

- Ты, - говорит, - девушка, не плачь напрасно. Помер твой князь, в рай попал, там ему полный покой, об тебе и не вспомнит... Женихов в Грузии не оберешься, а ты по здешней стороне первая красавица, да еще с во-каким приданым, - есть об чем тужить!.. Все помер, а пока что жить надоть. В небе звезды ходят, хороводы водят, ни скуки, ни досады не знают, ты бы с них, девушка, пример брала. А я тебя, между прочим, каждую ночь до первых петухов утешать буду, пока утренняя пташка не стрепенется, - потому днем мне несподручно...

Вскочила княжна на резвые ноги, туда-сюда глянула. Кот под лавкой урчит - ходит-ходит, о подол трется, над головой князь Удал в расстройстве чувств шагает, а боле никого и не слышать. Выскочила она на крыльцо. Терек под горой поигрывает, собачка на цепи хвостом машет, княжне голос подает: "Не сплю, мол, не тревожься!" Кто ж в фортку, однако, пел?

Караульный тут, который в доску для безопасности бил, подходит. Княжна к нему: "Не проходил ли кто незнакомый через двор. По какому случаю в поздний час пение?"

- Никак нет, - отвечает караульный, - седьмой раз дом обхожу. В доме такое несчастье, как можно... Уж я б его, певца, чичас князю Удалу представил, он бы ему прописал!

С тем и ушла. Головку к шелковой думке приклонила, - к подушечке махонькой, - вздохнула, об судьбе своей горькой призадумалась, однако ж слеза не идет: черт свое дело сделал!

В лампочке керосин вышел, дрема ее стала клонить. Заснула она тихо-благородно, косы-змеи под себя подостлавши. Ан тут черт ей в сонном видении и является.

И не то что в своем обыкновенном подлом виде, а во всей, можно сказать, неземной красоте. Кудри вьются, глаз пронзительный, ус вертит, в бессловесной любви ей признается... Девушке много ль надо? Испужалась она спервоначалу, а потом огонь у нее по жилам пробежал, потянулась она к нему, как дитё...

Да, видишь, черт времени не рассчитал: петух тут первый закукарекал, - сгинул бес, как дым над болотом. Так на первый раз ничего и не вышло...

Терек шумит, время бежит, никакого княжне облегчения нету. Подруги ее уговаривают: "Пойдем, Тамара, хоть к речке, смуглые ножки помыть!" Она упирается: "Нет мне покоя, днем об женихе тоскую, по ночам тайный голос меня душит. Никуда не пойду!"

Испужались подружки, пошли к князю Удалу. Так мол и так, неладное с Тамарой творится, надо меры предпринять. Князь чичас к ней, дочка единственная, нельзя без внимания оставлять.

- Что ж, - говорит, - дитё... Я мужчина, человек старый, слов настоящих не знаю. Кабы твоя мать покойная была жива, она бы тебя в минуту разговорила. Однако не тужи, достаток у нас, слава Тебе Господи, немалый, девичьи слезы вода. Надо себя в порядке содержать, а не то, чтобы по ночам неизвестные голоса слушать.

У Тамары, однако, характер твердый, грузинский.

- Я, папаша, резоны ваши понимаю. Совсем я от хозяйства отбилась, вас, старика, без попечения оставляю. Не могу с собой совладать... Пойду в монастырь, а то как бы чего не вышло. Девушка я, сами знаете, горячая... Лучше вы меня и не отговаривайте.

Три дня хмурился князь, весь ковер протоптал шагавши, - сына б приструнил, на милую дочку рука не поднимается... Пускай, думает, идет. В монастыре хоть честь свою княжескую по крайности соблюдет, Бога за меня помолит... Поперек судьбы сам царь не пойдет.

Снарядил он ее богато, дары в монастырь на десяти верблюдах вперед послал. Дочку в горную обитель сам под конвоем предоставил, чтоб головорезы-чеченцы, не приведи Бог, в горы ее в плен не угнали. Народ аховый, наживы своей не упустят.

Живет это она в келейке своей месяц-другой тихо, скромно, лучше и быть нельзя. На рассвете утренняя заря белую стенку над изголовьем румянит. Чинар сбоку шумит, светские мысли отгоняет. Пташки повадились крошки клевать. Горы вдали будто мелким сахаром посыпаны, снеговая прохлада от них идет, - в жару самое от них удовольствие. Знай одно: службы не пропускай, об остальном не твоя забота. Чистота, пища легкая, ясные мысли облаками плывут, пей себе чай с просфоркой, будто ангел бестелесный, смотри на горы, ручки сложимши, - боле и ничего.

Однако от черта и монастырь не крепость. Прознал он, само собой, что княжну Тамару в подоблачный монастырь укрыли, а доступа ему туда нету, - сторож, отставной солдат, по ночам с молитвой ограду обходит. Княжна воску белей все молится да поклоны кладет, - в церкви ли, в келье ли своей глаз не подымет, об земном и не вспомнит.

Изловчился черт, стал ей с вечерним прохладным ветром шопоты свои да поклоны посылать...

- Очнись, Княжна!.. От себя никуда не уйдешь. Ты месяца краше, миндаль-цвет перед тобой, будто полынь-травка, - ужель красота в подземелье вянуть должна? Который месяц по тебе сохну, и все без последствий. Все свои дела через тебя забросил, должна ты меня на путь окончательный наставить, а то так закручу, что чертям тошно станет. Себя, девушка, спасаешь, а другого губишь, - это что ж такое выходит?..

Стревожилась тут и Тамара окончательно. На то ль она в подоблачный монастырь шла, чтоб ни весть от кого такие слова слышать?.. Однако ж, и ее зацепило. Ева, братцы, тоже, может, по такому случаю, гибель свою приняла. Зажгла она восковую свечку, поклоны стала класть, душой воспарила, а ухом все прислушивается, не будет ли еще чего. А ветер сквозь решетку в темные глаза дышит, гордую грудь целует, - никуда от него не укроешься. Куст-барбарис за окном ласково об стенку скребется, звезды любовную подсказку насылают, фонтан монастырский звенит-уговаривает, ночной соловей сладкое кружево вьет. Со всех сторон ее черт оплел, - хочь молись, хочь не молись.

Видит черт, что полдела сделано, а дальше окончательно затормозило. Не юнкер он какой, в самом деле, чтоб по ветру с девушкой перешептываться, да и во сне ей являться, об любви своей докладывать. Тоже и он гордость свою имел.

Пустился он, песья голова, на хитрости. Штоф кизлярки украл, да отставному солдату, сторожу, который обитель в ночное время с молитвой обходил, - и подсунул. А ночь, милые мои, прохладная была, кавказские ночи известные. Отставному солдату, хочь он и при монастыре состоит, тоже выпить хочется, - не святой. Хлебнул он с устатку, намаялся, которую ночь-то ходивши, хлебнул в другой, согрелся, - в кизлярке этой градусов, поди, с пятьдесят было, - к стенке притулился, да и захрапел, как жук в соломе. Слабосильный старичок был, да и от вина отвыкши.

Черту только того и надо. Без обходной молитвы ему чего ж бояться. В трубу втиснулся, к княжне в келью проник, об паркетный пол вдарился и таким

красавцем-ухарем объявился, что против него и покойный Синодальный князь ничего не стоил.

Княжна Тамара так ручками и всплеснула, - удивляется:

- Кто вы такой есть, и почему в неположенное время в келью мою тайно проникли? У нас этого не полагается.

Тут ей нечистый все, как есть, и выложил.

- Я, - говорит, - тебе в сонном видении неоднократно являлся... Я тебе по ночному ветру чувства свои объяснял. Ты, девушка, однако, не сомневайся. Я не из простых чертей, а вроде как разжалованный херувим. Потому за гордость свою и поступки наказание понес. Однако, как я теперь в тебя без памяти влюбившись, - все поведение свое переменю, добрей тихого младенца стану, только бы на красоту твою беспрерывно любоваться... Тоже и мне пожить по человечески хочется, - со скуки одинокой давно б удавился, да черти смерти не подвержены... Сжался, княжна, я тебя во как возвеличу, по всему Кавказу слава трубой пройдет!

Принахмурила Тамара гордые брови, сердце у нее мотыльком бьется, ан доверия полного нету.

- Сгинь, - говорит, - сатана, прахом рассыпся! Почему я тебе доверять должна, ежели вся ваша порода на лжи стоит, ложью сповита? Сызмальства я приучена чертей гнушаться, один от вас грех и погибельная отравка. Чем ты, пес, других лучше?.. Скройся с моих прекрасных глаз, не то в набат ударю, весь монастырь всполошу!

Побагровел черт, очень ему обидно стало, - за всю жисть в первый раз на хорошую линию стал, а ему никакого доверия. Однако голос свой до тихой покорности умаслил и полную княжне присягу по всей форме принес:

- Клянусь своим страстным позором и твоим чернооком взором, клянусь Арарат-горой и твоей роскошной чадрой, что от всей своей дикой подлости дочиста отрекаюсь, буду жить честно, в эфирах с тобой купаться будем, и все твои капризы исполнять обещаю даже до невозможности!..

Ахнула тут Тамара, видит, дело в сурьез пошло, - самого главного кавказского черта, шутка ли сказать, приручила.

Разожгло ее насквозь, - в восемнадцать, братцы мои, лет печаль-горе, как майский жук, недолго держится. Раскрыла она свои белые плечики, смуглые губки бесу подставляет, - и в тую-ж минуту, хлоп! С ног долой, брякнулась на

ковер, аж келья задрожала. Разрыв сердца по всей форме, - будто огненное жало скрозь грудь прошло.

Закружился бес, копытом в печь вдарил, пол-угла отшиб. Вот тебе и попиrowал!.. Однако ж дела не поправишь! Душу из княжны скорым манером вынул да к окну, - решетку железную, будто платок носовой, в клочки разорвал. Да не тут-то было... Навстречу ему с надворной стороны княжны Тамары Ангел-Хранитель тут, как тут! Так соколом и налетел:

- По какому такому праву ты, окаянный, сюда попал, почему душу ейнюю тащишь?

- По такому праву, что княжна со мной, по своей воле обручилась. А ты где раньше был? Крепость сдалась. Что ж ты не в свое дело суешься?

- Нипочем, - отвечает Ангел-Хранитель, - не сдалась! Она, Тамара, как птенчик глупый, за поступки свои не отвечает. Я за нее ответ держу!.. А с тобой разговор короткий...

Да как хватит его справа налево огненным мечом наотмашь, так во всю щеку шрам ему и сделал... Локтем отпихнул черта и воспарил с Тамариной светлой душой в кавказскую поднебесную высь.

Очнулся черт. Щека горит, смола в печенке клокочет... Двинул в сердцах отставного солдата, что под руку подвернулся, вдоль спины, так что с той поры солдат на карачках до конца жизни и ходил.

Взмыл к тучам и прочь с Кавказа навсегда отлетел. Только молоньи хвостом за ним, будто фейерверк, сиганули...

В Персию, говорят, переселился, потому там народ более легкий, да и девушки не хуже грузинских. Может, и взаправду остепенился, какую хорошую за себя взял, ремесло свое подлое оставил и в люди в свое удовольствие вышел. Кто их там, чертей, разберет, братцы!..